
Замѣтки А. П. Созоновичъ по поводу статьи „Государственные и политическіе преступники въ Ялуторовскѣ и Курганѣ“ К. М. Голодовникова помѣщенной въ 12 № „Историческаго Вѣстника“ 1888 г.

Почтенный авторъ въ своей статьѣ упоминаетъ о кратковременномъ пребываніи своемъ въ Ялуторовскѣ. Послѣ этого становится яснымъ, что при поверхностномъ знакомствѣ съ ялуторовскими декабристами многое должно было ускользнуть отъ наблюдательности слишкомъ въ то время юнаго г. Голодника; поэтому ему пришлось въ своихъ воспоминаніяхъ о нихъ это многое пополнить собственными догадками и слухами.

*Воспитавшись въ кругу ялуторовскихъ декабристовъ, я считаю своей обязанностью сдѣлать небольшія замѣтки по поводу статьи уважаемаго г. Голодника и дополненія къ ней, такъ какъ у него нѣкоторые факты изъ ихъ жизни, отъ неправильнаго освѣщенія, лишаютъ настоящей характеристики эту маленькую колонію, выдѣлявшуюся изъ всѣхъ остальныхъ своеобразностью и считавшуюся между прочими образцовою.

Я повторяю общій отзывъ болѣе или менѣе выдающихся людей, пріѣзжавшихъ служить въ Сибирь Восточную и Западную, которые посѣщали ее по нѣскольку разъ, пользуясь тѣмъ, что Ялуторовскъ, ничтожный городишка Тобольской губерніи, находится на большой проѣзжей дорогѣ.

Напримѣръ, г. Голодниковъ, вѣроятно, слышалъ, что Александра Васильевна Ентальцева обладала какимъ-то

мужскимъ качествомъ. На этомъ основаніи онъ заключилъ, что она походила на мужчину.

Александра Васильевна добровольно послѣдовала въ Сибирь за Андреемъ Васильевичемъ Ентальцевымъ, своимъ вторымъ мужемъ, уже среднихъ лѣтъ женщиной. Въ молодости, говорятъ, она славилась красотой; о чемъ свидѣтельствовалъ миниатюрный портретъ на кости, доставшійся послѣ ея кончины единственной дочери отъ несчастнаго брака за игрокомъ, который рассчитывалъ обирать молодежь съ помощью юной, хорошенькой жены,—и ошибся. Александра Васильевна не вынесла нравственной муки и бѣжала отъ мужа, оставивъ ему малютку-дочь, послѣ чего она долго бѣдствовала, пока не познакомилась съ своимъ вторымъ мужемъ, подполковникомъ, командиромъ конно-артиллерійской 27 роты. Это была живая, умная, весьма начитанная женщина, какъ видно, много потрудившаяся надъ своимъ самообразованіемъ, и женщина самостоятельнаго характера, иногда довольно рѣзкая въ обращеніи и рѣчахъ, что ошибочно было принято г. Голодниковымъ за мужскіе пріемы, какъ и ея обыкновенный старческий голосъ, вовсе не отличавшійся мужскою грубостью. Многіе, дѣйствительно, называли ее складъ ума мужскимъ. Но въ ея внѣшности ничего не было мужского. Манерами и умѣньемъ просто и со вкусомъ одѣваться она долго считалась образцемъ въ ялуторовскомъ женскомъ обществѣ; молодыя дѣвушки пользовались ея особеннымъ расположеніемъ и добрыми совѣтами.

Многіе находили, что меня воспитывали мальчикомъ; поэтому Александра Васильевна не упускала случая замѣчать мнѣ, что съ успѣхами въ наукахъ не слѣдуетъ терять прелесть женственности.

Съ лучшими женскими достоинствами она соединяла слабость, свойственную многимъ хорошенькимъ женщинамъ, производившимъ въ свое время впечатлѣніе

на мужчинъ: Александра Васильевна, попавъ на свой пунктикъ, теряла самообладаніе, сбивалась съ толку и часто ставила себя въ смѣшное положеніе, не мирясь съ дѣйствительностью, что красота и молодость исчезаютъ съ годами, хотя, сравнительно съ другими женщинами, она пользовалась счастливою старостью, сохраняя физическую и умственную бодрость и свѣжесть. Она была милой и занимательной старушкой, общавшей прожить еще многіе годы.

Ентальцевъ былъ осужденъ по VII разряду и первоначально сосланъ въ Читу, въ каторжную работу на годъ, куда Александра Васильевна и поспѣшила къ нему прѣхать; затѣмъ ихъ поселили въ Березовъ, а спустя нѣсколько лѣтъ перевели въ Ялуторовскъ.

Въ Сибири у Андрея Васильевича явилось влеченіе къ медицинѣ. Многіе изъ его товарищей тоже лѣчили бѣдныхъ въ крайнихъ случаяхъ, когда не оказывалось подъ рукой доктора; но никто изъ нихъ (кромѣ еще П. Ѳ. Фохта въ Курганѣ) не предавался этому занятію исключительно и съ такою страстью, какъ Андрей Васильевичъ. Онъ обзавелся всевозможными лѣчебниками, постоянно рылся въ медицинскихъ книгахъ, лѣчилъ простыми, безвредными средствами, самъ приготавлилъ лѣкарства, никому не отказывалъ въ помощи, и, при извѣстномъ навыкѣ, изъ него выработался весьма полезный лѣкарь-самоучка.

Тогда въ Ялуторовскѣ не имѣлось аптеки. За лѣкарствами посылали въ Тюмень, а единственный окружный врачъ, хотя и жилъ въ городѣ, но большую часть года находился въ разъѣздахъ.

Андрей Васильевичъ и характеромъ больше соответствовалъ обязанностямъ врача, нежели воина: всегда ровный, со всѣми одинаково привѣтливый, онъ не только былъ добръ, но былъ и смиреннѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Между тѣмъ, приспособленный и привыкнувшій къ военной службѣ, онъ не переставалъ толковать о

своей конной батарее и утраченномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ себя почти невинно пострадавшимъ, такъ какъ не участвовалъ ни въ событіяхъ 14 декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ, ни 3-го января 1826 года въ Кіевской губерніи подъ Бѣлой Церковью.

Въ 1838 г., по случаю проѣзда великаго князя Александра Николаевича чрезъ Тобольскъ, Тюмень и Ялуторовскъ, по распоряженію генераль-губернатора, было приказано не допускать до него государственныхъ преступниковъ; поэтому мѣстное начальство извѣстило декабристовъ, чтобъ они сидѣли дома во время пребыванія наслѣдника, что они и выполнили въ точности.

Это предупрежденіе вывело ихъ изъ затруднительнаго положенія, потому что являться на глаза наслѣдника или избѣгать встрѣчи съ нимъ могло быть одинаково перетолковано въ дурномъ смыслѣ.

Черезъ шесть недѣль послѣ проѣзда великаго князя черезъ Ялуторовскъ желающимъ выслужиться вздумалось донести на Ентальцева, будто бы онъ хотѣлъ убить наслѣдника изъ пушки. Поводомъ къ обвиненію послужило подозрѣніе, что Андрей Васильевичъ передъ пріѣздомъ великаго князя, будто-бы, не даромъ заказалъ деревянные шары для украшенія своего забора и одновременно купилъ старые екатерининскіе лафеты Ширванскаго полка, выступившаго изъ Сибири въ 1805 году.

Изъ Тобольска предписано было нарядить слѣдствіе. У Ентальцевыхъ исковеркали въ домѣ полы, пересмотрѣли помадные банки Александры Васильевны, отыскивая порохъ, котораго, разумѣется, не нашли.

Во время пребыванія декабристовъ въ Сибири доносы на нихъ дѣлались часто, особенно въ началѣ. Но отъ нихъ, за рѣдкими исключеніями, почти всегда страдали сами доносчики, такъ какъ слѣдствіе, вмѣсто вымышленныхъ преступленій обвиняемыхъ, открывали дѣйствительныя доносчиковъ.

Андрей Васильевичъ за нѣсколько лѣтъ до своей кончины сошелъ съ ума. Его болѣзнь сначала долго таилась, проявляясь нѣкоторыми странностями мирнаго свойства, ничего не доказывающими; но когда она рѣзко опредѣлилась возбужденнымъ состояніемъ больного, опаснымъ для него самого и окружающихъ, тогда Александра Васильевна, съ высочайшаго разрѣшенія, возила мужа лѣчиться въ Тобольскъ. Но медицина оказалась безсильна противъ недуга, поступательно разрушающаго организмъ.

Александра Васильевна возвратилась съ неизлѣчимо-большимъ мужемъ въ Ялуторовскъ.

Впослѣдствіи Андрей Васильевичъ совершенно ослабъ, впалъ въ дѣтство и нѣсколько лѣтъ пролежалъ въ постели. Тогда Александра Васильевна продала свой домъ купцу В. И. Сесенину, нанявъ себѣ у него небольшое, уютное помѣщеніе во флигелѣ.

Она устроила мужа въ лучшей комнатѣ, на солнечной сторонѣ, въ которой наблюдались безукоризненные свѣжесть воздуха и теплота, и держала при немъ неотлучно находившуюся старушку-сидѣлку, съ любовью ухаживавшую за нимъ, какъ за беспомощнымъ младенцемъ съ самаго начала его болѣзни и до послѣдняго дня его жизни. Выборъ этой сердобольной былъ основательный: вполнѣ приличная женщина, Лукерья Ивановна Куликъ, была уроженкою Петербурга, вдовою служившаго въ ялуторовскомъ окружномъ казначействѣ присяжнаго унтеръ-офицера, поступившаго изъ казаковъ Полтавской губерніи въ 1807 г. въ Егерскій полкъ рядовымъ, раненаго въ голову и лѣвую ногу въ сраженіи противъ турецкихъ войскъ, имѣвшаго знаки прусскаго желѣзнаго креста, медали въ память 1812 г., за взятіе Парижа 1814 г. и за взятіе Базарчука крестъ св. Георгія, за безпорочную 20-лѣтнюю службу — св. Анны и три нашивки на мундирѣ.

Александра Васильевна безропотно покорялась тяжелому испытанію, до конца свято исполняя свой долгъ.— Андрей Васильевичъ скончался въ Ялуторовскѣ 27 января 1845 г.

Вдова Кулика получала, за уходъ за больнымъ, содержаніе отъ товарищей покойнаго, считая это за великую милость Божію, такъ какъ она не дождалась въ сей жизни просимаго ею пособія за значительныя заслуги своего мужа, поименованныя въ его послужномъ спискѣ.

Родная сестра покойнаго, Екатерина Васильевна Сикстель, не забывала своего ссыльнаго брата, постоянно переписывалась съ нимъ, усиленно снабжала его вещами и деньгами, хотя сами Сикстель были не богаты и обременены многочисленнымъ семействомъ. Эта добрыйшая женщина и послѣ смерти брата не переставала относиться съ такою же нѣжностью и къ Александрѣ Васильевнѣ, пережившей вмѣстѣ съ нимъ всѣ превратности судьбы. Послѣдней не довелось свидѣться съ дорогой родственницей, такъ какъ вдова Ентальцева не получила разрѣшенія возвратиться на родину до милостиваго манифеста Александра II-го отъ 26 августа 1856 г.

Между тѣмъ въ крымскую войну мужъ и сыновья Сикстель отправились въ походъ. Уже безъ того разстроенная здоровьемъ, сестра Андрея Васильевича въ это время окончательно изнемогла въ тревогѣ за свою семью и писала, что не надѣется пережить радостнаго свиданья съ нею.

Надо полагать, что предчувствіе больной сбылось, такъ какъ этимъ письмомъ закончились всѣ сношенія съ семьей Сикстель.

По возвращеніи въ Россію Александра Васильевна не выходила замужъ за И. И. Пущина (какъ утверждаетъ г. Голодниковъ), который, дѣйствительно, находилъ большое удовольствіе въ ея обществѣ и кичился

ея особеннымъ расположеніемъ къ нему и очень ей нравился. Поэтому сибиряки предполагали, что они въ Россіи женятся, чтобъ не разлучаться другъ съ другомъ.

Александра Васильевна поселилась въ Москвѣ, гдѣ и умерла въ 1858 г. одинокой вдовой Ентальцева, одинокой потому, что ея дочь воспитывалась людьми, не питавшими расположенія къ отсутствующей матери.

Басня о гибели вѣтромѣра, изобрѣтеннаго Иваномъ Дмитріевичемъ Якушкинымъ и устроеннаго на высокомъ столбѣ, во дворѣ его квартиры, отъ рукъ мѣщанъ, ночью тайкомъ пробравшихся въ этотъ дворъ,—пустая выдумка.

Жители маленькаго городишка у всѣхъ на перечеѣ. За такое самоуправство всякій побоялся бы наказанія отъ мѣстнаго начальства, такъ какъ всѣ отъ малаго до великаго видѣли и знали благосклонность къ декабристамъ высшихъ властей Сибири, служившую внушеніемъ не для однихъ мѣщанъ, но и для высшаго слоя общества, а кромѣ того, знали, что они умѣли и могли крѣпко постоять за себя.

Хотя Иванъ Дмитріевичъ въ самомъ дѣлѣ подозрѣвался въ чернокнижіи за собраніе растений (онъ составлялъ гербарій растений Тобольской губ.), постоянную письменную работу, за клейку различной величины глобусовъ изъ картона, чтеніе книгъ, сначала даже и за катанье на конькахъ въ отдаленной отъ города мѣстности по р. Имбирею, такъ какъ онъ, позднею порой, при лунномъ свѣтѣ, неожиданно вылеталъ стрѣлой изъ развалинъ водяной мельницы и исчезалъ изъ вида случайныхъ наблюдателей. При подобной обстановкѣ, въ высокой, почти остроконечной шапкѣ, въ коротенькой шубейкѣ, перетянутый кожанымъ ремешкомъ, весь въ черной одеждѣ, при его худобѣ, онъ

долженъ былъ казаться народу колдуномъ, стремительно летѣвшимъ на пиръ или на совѣтъ къ нечистой силѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нимъ благоговѣли за чистоту его безупречной жизни и безграничную любовь къ ближнему, благотѣльно отражавшуюся на всѣхъ, кто бы ни встрѣчался на его пути. Его проницательный взглядъ быстро подмѣчалъ выдающіеся въ людяхъ способности; онъ не пропускалъ возможности развить ихъ, чтобъ приложить къ дѣлу, соотвѣтственному положенію человѣка, и считалъ себя счастливымъ, если ему удавалось ободрить кого-нибудь, убѣдивъ, что и у него есть доля способностей, надъ которыми стоитъ потрудиться, а не оставлять ихъ подъ спудомъ.

Когда Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ былъ переведенъ изъ Вилюйска, первоначальнаго мѣста его ссылки, въ Бухтарминскъ, то народъ точно также во время засухи обращался къ нему съ покорнѣйшею просьбой пустить имъ дождинекъ. Такъ какъ тогда не только въ Сибири, но и въ Россіи постоянное чтеніе книгъ и газетъ было диковинкой у большей части господъ, то простонародью казалось, что домашняя библіотека бесполезна и необходима для однихъ колдуновъ. На ихъ просьбу Матвѣй Ивановичъ отвѣчалъ объясненіемъ нашего человѣческаго ничтожества въ сравненіи со всемогуществомъ Всевышняго, послѣ чего они убѣждались, что при всей доброжелательности къ нимъ, онъ дѣйствительно не въ состояніи помочь ихъ горю.

Весь кружекъ ялуторовскихъ декабристовъ, всегда строго слѣдившій за собой, во всемъ чрезвычайно сдержанный, сплотившись въ едиnodушную семью, разумно гуманную и просвѣщенную, рѣзко выдѣляясь среди распущенной жизни чиновниковъ,—всѣмъ внушалъ невольное почтеніе, даже своимъ недоброжелателямъ. Поэтому никто не смѣлъ помыслить самовольно

касаться ихъ собственности, тѣмъ болѣе народъ, составившій о нихъ понятіе, какъ о раскаявшихся и вполнѣ искупившихъ добродѣтельною жизнью всѣ свои проступки, за что они и не оставлены царскимъ вниманіемъ черезъ высшее начальство, и полагалъ, что они, по возвращеніи на родину, будутъ самыми приближеннѣйшими людьми къ царю. Въ этомъ убѣжденіи бывшій кучерь Муравьева-Апостола писалъ ему изъ Сибири: — „Когда отправитесь провожать государя Александра Николаевича, попросите, благодѣтель, повелѣть поставить моего зятя на извѣстное мѣсто въ духовной епархіи Тобольской губерніи; а буде ваша милость, то заверните къ Батюшкѣ Царю нарочито“.

Матвѣй Ивановичъ получилъ это письмо, гостивши въ Москвѣ у своего племянника М. И. Бибикова, и бесѣдуя въ эту минуту съ Н. Н. Муравьевымъ-Карскимъ, который отъ души смѣялся, восхищаясь оригинально-наивнымъ содержаніемъ письма, и черезъ своего брата Андрея Николаевича удовлетворилъ просьбу нашего бывшего кучера.

Народъ былъ правъ, чутьемъ понимая истину: въ заграничныхъ запискахъ барона А. Е. Розена упоминается, что изъ членовъ Т. О. осуждены только 121 ч. Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, тогда какъ ими были биткомъ набиты Петропавловская крѣпость со всѣми ея казармами, куртинами, казематами, равелинами, всѣ петербургскія гаубтвахты, крѣпостцы Финляндіи, Шлиссельбурга, Нарвы и Ревеля.

Списокъ всѣхъ членовъ Т. О. былъ извѣстенъ правительству. Къ ихъ нравственному достоинству относится то, что Николай I-ый призналъ полезнымъ оставить на службѣ бывшихъ членовъ Т. О., не осужденныхъ, помилованныхъ и безусловно прощенныхъ до приговора суда. Изъ нихъ онъ назначилъ троихъ министрами, четырехъ генералъ-губернаторами: въ Петербургъ, въ Ригу, Вильно и Кіевъ.

Изъ числа членовъ Т. О. онъ имѣлъ отличнаго корпуснаго командира и войскового атамана, трехъ передовыхъ дѣятелей въ турецко-персидской войнѣ, дежурнаго генерала, начальника собственной канцеляріи III-го отдѣленія. Наконецъ, самое важное въ государствѣ, воспитаніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ большинства юношей русскаго дворянства довѣрено было главному надзору бывшаго члена Т. О. Якову Ивановичу Ростовцеву. Не считаю дивизіонныхъ начальниковъ, губернаторовъ и бывшихъ членовъ Т. О., оставившихъ службу и посвятившихъ свое достояніе и досуги на пользу общую. Всѣ они служили вѣрою и правдою царю и отечеству.

Происхожденіе басни о неправдоподобномъ случаѣ съ вѣтромъ Якушкина слѣдующее (сочинители забавной исторіи забывали о воротахъ съ крѣпкимъ запоромъ, о злыхъ дворняжкахъ, о неподкупной хозяйкѣ дома Федосѣ Родіоновнѣ, пользовавшейся хорошей славой между мѣщанами которые, во всякомъ случаѣ, не могли тихомолкомъ, съ топорами и заступами, дѣйствовать на маленькомъ дворѣ квартиры Івана Дмитріевича, да еще почти передъ самымъ его окномъ): въ Ялуторовскѣ былъ городничимъ всѣми уважаемый и любимый Дмитрій Григорьевичъ Скорняковъ настолько мягкій и безобидный человѣкъ, что за него, въ случаяхъ, требующихъ строгости, иногда распорядилась его тѣлодушная жена Ольга Александровна, уроженка Березова, хорошая знакомая Ентальцевыхъ. Онъ изъ расположенія къ декабристамъ пріѣзжалъ предупредить Якушкина, что крестьяне и мѣщане винятъ его въ отводѣ дождя, и что по городу слухи носятся, будто они собираются убить его, приписывая сильную засуху ежедневному его колдовству на столбѣ; при этомъ онъ просилъ сдѣлать милость, до грѣха, срубить столбъ. Якушкинъ посмѣялся надъ такими мрачными сказками, заключивъ, что все это

вздоръ ¹⁾, и на отръзъ отказать исполнить его просьбу, объясняя, что городничій обязанъ охранять государственныхъ преступниковъ, состоящихъ подъ его надзоромъ, и отвѣчать за жизнь каждаго изъ нихъ, а въ случаѣ несчастія—самъ рискуеть лишиться мѣста. Слѣдовательно, онъ сиччаетъ себя въ безопасности, вполне полагаясь на его бдительность и здравый смыслъ русскаго народа. Послѣ этого добрыйшій Дмитрій Григорьевичъ чрезвычайно смутился, вѣроятно, сообразивъ, что у слабаго начальства отъ страха глаза велики.

Иванъ Дмитріевичъ предполагалъ, что Ольга Александровна, можетъ быть, сама вѣрила въ его колдовство на столбѣ, поэтому пришла къ мѣстнымъ толкамъ покушеніе на его жизнь, перепугала мужа, надоумила отправиться къ нему и воздействовать на него страхомъ.

Какъ бы то ни было, но послѣ вышеупомянутаго разговора со Скорняковымъ высокій столбъ, на вершинѣ котораго былъ утвержденъ механизмъ вѣтромастера, не производившій ни особеннаго визга, ни скрипа, много лѣтъ спустя былъ снятъ со столба самимъ Якушкинымъ, когда его здоровье окончательно разстроилось, и онъ не въ состояніи былъ ежедневно лазить для метеорологическихъ наблюдений на столбѣ, при тогдашнихъ его усиленныхъ хлопотахъ о приходскихъ школахъ и занятіяхъ въ мужской и женской, которыя были основаны имъ—первая въ 1842 г., вторая въ 1846 г., въ память скончавшейся въ этомъ году его жены. Подъ его руководствомъ и съ его участіемъ ученіе въ нихъ велось по краткимъ, но толково имъ же составленнымъ учебникамъ, и по методу Ланкастера.

Съ основаніемъ школъ всѣ остальные занятія Ивана Дмитріевича отодвинулись на второй планъ. Ему по-

¹⁾ У Ивана Дмитріевича была привычка прибавлять, даже послѣ весьма серьезнаго разговора:—„Впрочемъ, все это вздоръ!“ и возражая, восклицать—„какой вздоръ!“

счастливилось завести ихъ, благодаря сочувствію протоіерея Срѣтенскаго собора Стефана Яковлевича Знаменскаго (переведеннаго изъ Тобольска въ 1840 г.), съ восторгомъ согласившагося взять на себя починъ благого дѣла, что представлялось главнымъ затрудненіемъ, а денежные средства онъ считалъ второстепеннымъ.

Жертвуя не отъ большихъ излишковъ своими деньгами, трудами, здоровьемъ, Иванъ Дмитріевичъ увлекалъ своимъ примѣромъ не только ялуторовскихъ и тобольскихъ товарищей, но и постороннихъ. Напр., купецъ П. П. Медвѣдевъ¹⁾, имѣвшій близъ Ялуторовска, въ деревнѣ Кожюль, стеклянный заводъ, сдѣлался самымъ крупнымъ изъ жертвователей. Такимъ образомъ, денегъ собрали въ достаточномъ количествѣ, а учителя были свои, безвозмездные: прот. Знаменскій, Якушкинъ, соборный дьячекъ Евгеній Флегонтовичъ Сѣдачевъ и пр.

Особенный успѣхъ имѣла женская школа. Въ то время она была единственной въ Тобольской губ. и чуть ли не единственной во всей Западной Сибири. Кромѣ общаго первоначальнаго образованія, дѣвочки еще учились рукодѣлію.

Наблюдать за руководѣльнымъ классомъ вызвалась Фелисата Ефимовна Выкрестюкъ, умная и добрая женщина, жена новоприбывшаго исправника, жестокаго человѣка и взяточника, требовавшаго деньги безразлично какъ съ богатыхъ, такъ и съ неимущихъ крестьянъ; послѣднимъ Фелисата Ефимовна, потихоньку отъ мужа, давала денегъ ему же на взятки и этимъ избавляла несчастныхъ отъ побоевъ.

Выкрестюкъ былъ тѣмъ болѣе невыносимъ для крестьянъ, что его предшественникъ Меньковичъ славился относительнымъ безкорыстіемъ.

¹⁾ Женатый на Ольгѣ Ивановнѣ Менделѣевой, сестрѣ нашего знаменитаго химика.

Фелисата Ефимовна приобрѣтала много денегъ для школы: сбывала рукодѣля ученицъ въ ближайшіе города и собирала по 25 руб. въ годъ за ученицу (ученіе въ обѣихъ школахъ было бесплатное, но этотъ временный сборъ былъ удачно придуманъ Якушкинымъ при открытіи женской школы для ея упроченія и былъ въ ходу первые годы ея существованія) съ бездѣтныхъ и болѣе или менѣе состоятельныхъ людей, такъ какъ всякому лестно было имѣть въ этой школѣ свою стипендіатку.

Фелисата Ефимовна тоже была бездѣтна; увлекаясь занятіями и выгодами школы, она забывала на нѣкоторое время горечь своей семейной жизни и дорожила участіемъ Якушкина, которому безъ объясненій была понятна всякая семейная драма.

Изъ сочувствія къ Фелисатѣ Ефимовнѣ декабристы дѣлали исключеніе—изрѣдка посѣщали домъ отъявленнаго взяточника.

Наживъ приличное состояніе, Выкрестюкъ уѣхалъ въ Петербургъ. Слухи носились, что тамъ, на первыхъ же порахъ, шулера обыграли его до-чиста, послѣ чего онъ съ горя умеръ, оставивъ жену съ самыми скудными средствами къ жизни.

Между тѣмъ для школы подросли доморощенные попечительницы: старшая дочь купца Николая Яковлевича Балакшина, Анисья Николаевна, и ея меньшія сестры, учившіяся въ этой школѣ; послѣ замужества старшей, онѣ, по степенямъ возраста, одна за другой завѣдывали рукодѣльнымъ классомъ.

Въ случаѣ надобности ихъ замѣняла жена Муравьева-Апостола, часто навѣщавшая школу, чтобъ слѣдить за чулочнымъ отдѣленіемъ, а его старшая воспитанница была въ школѣ съ дѣтства постоянной помощницей Ивана Дмитріевича.

Въ Анисью Николаевну Якушкинъ приобрѣлъ самую ревностную сотрудницу. Живая и впечатлительная дѣ-

вушка, вращаясь въ кругу декабристовъ, значительно осмыслилась, горячо сочувствовала трудамъ Ивана Дмитріевича; предложеніе заниматься въ его школѣ и родительское на это разрѣшеніе были счастливѣйшимъ и неожиданныѣйшимъ происшествіемъ въ ея жизни, какъ крупное вторженіе въ ихъ замкнутую среду, поглощенную только собственными мелочными интересами, а женщины, вдобавокъ, присоединяли къ нимъ и домашнія дразги. Съ тѣхъ поръ началась для нея новая жизнь. Она сроднилась со школой. Крупное пожертвованіе, посѣщеніе тобольскаго губернатора Прокофьева и тобольскаго епископа, первые официальные экзамены и затѣмъ раздача „свидѣтельствъ“ за подписью епископа дѣвицамъ, успѣшно кончившимъ курсъ,—все это, какъ доказательство нѣкоторой извѣстности школы и ея прочности въ будущемъ, заставляло ее плакать отъ избытка радости.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ея умилительныхъ заботъ по школѣ, Ивану Дмитріевичу вообразилось, что Анісія Николаевна, тяготясь обыденщиной, избираетъ цѣлью своей жизни быть преемницей и продолжительницей его трудовъ по женской школѣ, съ которой никогда не разстанется ради какого-нибудь злополучнаго замужества, тѣмъ больше, что онъ не признавалъ въ Ялutorовскѣ подходящихъ жениховъ для своего цвѣтничка (причисляя Анісію Николаевну къ воспитанницамъ своего друга Муравьева-Апостола). Это предположеніе Якушкина ввело въ заблужденіе П. Н. Свистунова и было пущено имъ въ печать за дѣйствительность въ „Руск. Архивѣ“ 1870 г., въ прибавленіи къ статьѣ „О 14 декабрѣ и декабристахъ“, и вмѣсто Анісіи Николаевны отнесено къ А. В. Бронниковой. Она, будто бы, какъ признательная школѣ ученица, отказалась отъ замужества, чтобъ не покидать школы, которою, помимо ея, некому было завѣдывать. Во-первыхъ, никто такихъ бесполезныхъ жертвъ изъ ялutorовскихъ учи-

тельницъ приносить не могъ уже только потому, что большая часть изъ нихъ не была въ будущемъ достаточно обезпечена матеріально; да и обезпеченныя не имѣли нынѣшней свободы дѣйствій,—ихъ тогда выдавали замужъ, не спрашивая согласія; во-вторыхъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ школа дала Ялуторовску довольно грамотныхъ и достойныхъ дѣвицъ, изъ которыхъ всегда можно было выбрать учительницу или надзирательницу для школы, и въ тѣ времена за весьма ничтожное вознагражденіе.

Бронникова была симпатичной, но весьма обыкновенной дѣвушкой, не имѣвшей понятія объ отвлеченныхъ цѣляхъ въ жизни, тѣмъ болѣе, что ни ея родители, ни она сама не имѣли случая сблизиться съ обществомъ декабристовъ, какъ, напримѣръ, семья Балаксиныхъ.

Отецъ Бронниковой вскорѣ скончался, а мать, еще въ нашу бытность въ Ялуторовскѣ, просватавъ свое единственное дѣтище за иногороднаго жениха, совсѣмъ уѣхала съ дочерью изъ Ялуторовска. Бронникова съ удовольствіемъ вспоминала время школьнаго ученья, поддерживала знакомство со школьными подругами; но ей, какъ и ея матери, никогда не приходило въ голову, даже на прощанье, выразить свое сочувствіе школѣ, хотя бы ничтожнымъ денежнымъ пожертвованіемъ; между тѣмъ онѣ были изъ состоятельныхъ и весьма порядочныхъ людей, но еще не дошедшихъ до потребности участія въ общественномъ дѣлѣ.

Сравненіе избраннаго общества съ пороками и грубостью окружающаго, несомнѣнно, наводило Анисью Николаевну на печальныя размышленія. Но сильнѣе всего ее угнеталъ необузданный характеръ бывшей красавицы-матери, смолоду слишкомъ избалованной уступчивымъ, добрымъ мужемъ, которая съ годами становилась для всѣхъ въ семьѣ невыносимой и наконецъ довела себя до неизлѣчимыхъ припадковъ, по

словамъ лучшихъ докторовъ, единственно потому, что своевременно не встрѣтила препятствія своему нраву. Енаѣ Филипповна, рожденная Минаева, была изъ рода донскихъ казаковъ; губительно дѣйствуя на здоровье своихъ дѣтей, она надѣлила ихъ всѣхъ сильнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ. При подобныхъ семейныхъ обстоятельствахъ, въ то время, замужество оставалось единственнымъ выходомъ, если не къ лучшему положенію, то все же къ перемѣнѣ, во всякомъ случаѣ не худшей. Поэтому Анисья Николаевна рѣшилась выйти за нѣкоего Прасолова, служившаго въ Тобольскѣ, хотя ихъ знакомство было мимолетное; даже можно сказать, что эта именно мимолетность знакомства и рѣшила ея судьбу. Женихъ былъ молодъ, недуренъ собой и добрякъ, веселаго характера.

Послѣ свадьбы, къ концу года ее беспокоили сильные приливы къ головѣ. Молодая чета разсудила послать за фельдшеромъ, чтобъ пустить изъ ноги кровь, такъ какъ одна изъ ихъ знакомыхъ испытала это средство на себѣ съ большою пользою. Но Анисья Николаевна не выдержала такого варварскаго способа лѣченія. Искусный и опытный докторъ-декабристъ, Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ, сразу опредѣлилъ состояніе больной безнадежнымъ: при беременности губительное кровопусканіе истощило организмъ, слабый отъ природы.

Короткое время своего замужества Анисья Николаевна провела спокойно и счастливо. Она не переставала съ любовью вспоминать о школѣ, интересоваться ею и надѣяться, что будетъ способствовать ея процвѣтанію деньгами, когда ея мужъ получитъ лучшее мѣсто.

Иванъ Дмитріевичъ удивлялся, огорчался и сердился, что Анисья Николаевна, отказавъ одному изъ ялutorовскихъ жениховъ, не долго думая, вышла замужъ за мало извѣстнаго ей человѣка и рѣшилась уѣхать въ Тобольскъ, навсегда покинувъ школу.

Однажды онъ сообщилъ имъ, что государь спрашивалъ его: „Справедливъ ли слухъ, дошедшій до него, „о близкихъ его отношеніяхъ къ декабристамъ?“ Когда онъ подтвердилъ справедливость слуха отвѣтомъ: — „Вашему Величеству угодно было удостоить меня своимъ довѣріемъ, поручивъ моему управленію цѣлый „край. Всегда имѣя въ виду высокое довѣріе Вашего „Величества, я счелъ необходимымъ сблизиться съ „этими господами, какъ съ полезнымъ и лучшимъ для „меня обществомъ въ Сибири“. Тогда Николай I-ый крѣпко пожавъ ему руку, сказалъ:— „Спасибо, ты одинъ „понялъ меня“.

Въ руководѣльномъ классѣ Иванъ Дмитріевичъ особенно налегалъ на плетеніе кружевъ, въ увѣренности, что русскія кружева, при извѣстномъ стараніи, могутъ пріобрѣсти славу наравнѣ съ заграничными и дать хорошій заработокъ женщинамъ. Поэтому, когда старшія дѣвочки достигли изящества въ плетеніи, тогда Якушкинъ, въ доказательство достоинствъ русскихъ кружевъ, посылалъ ихъ своей племянницѣ, дочери М. Н. Муравьева (впослѣдствіи графа), которая вступила въ постоянную переписку со своимъ ссыльнымъ дядошкой (они оба были женаты на родныхъ сестрахъ Переметевыхъ), какъ только выучилась держать въ рукѣ перо.

Дѣти собирались въ школу, какъ на праздникъ. Протоіерея Знаменскаго они всегда нетерпѣливо ожидали и слушали съ благоговѣніемъ.

Его прекрасная наружность вполне соотвѣтствовала сану священнослужителя: немного выше средняго роста, худощавый, но, при слабомъ здоровьи, онъ не имѣлъ слѣда утомленія или болѣзненнаго изнуренія постника, походка его была легкая, всѣ движенія просты и естественны, кротость и спокойствіе чистой совѣсти отра-

жались въ его черныхъ глазахъ, и одушевленіе его лица было какъ бы челоуѣка не отъ міра сего.

Между священниками Тобольской губ. прот. Стефанъ Яковлевичъ считался чудакомъ потому, что имѣя шестерыхъ дѣтей, жилъ добровольно въ нуждѣ, тогда какъ около раскольниковъ могъ легко нажить десятки тысячъ рублей, не мѣняя такимъ же путемъ богатѣть и прочимъ. За отступленіе отъ общаго правила, сослуживцы сначала часто подводили его подъ непріятности. Стефанъ Яковлевичъ, при кротости и твердости характера, молча переносилъ нападки, не измѣняя своихъ правилъ. Наконецъ до преосвященнаго Аѳанасія дошли слухи о настоящей причинѣ этихъ нападковъ, послѣ чего, вникая въ чистоту всѣхъ его поступковъ, онъ считалъ его безупречнымъ челоуѣкомъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался извѣстенъ въ Западъ Сибири своею истинно христіанскою жизнью, такъ что генералъ-губернаторъ Гасфордъ просилъ архіерея Евлампія перевести его въ г. Омскъ.

Дочь Гасфорда была православная и пожелала его имѣть своимъ духовникомъ.

Къ огорченію ялуторовцевъ, Стефанъ Яковлевичъ былъ переведенъ въ г. Омскъ въ концѣ 1853 г. къ Воскресенскому собору. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они утѣшались мыслью, что достойнѣйшій представитель духовенства будетъ находится на виду и радовались за него.

Тяжело было прот. Знаменскому и Якушкину разставаться другъ съ другомъ послѣ столькихъ лѣтъ совмѣстныхъ трудовъ, положенныхъ на зарожденіе, развитіе и процвѣтаніе ихъ школъ, для которыхъ они съ одинаковыми любовью и рвеніемъ сами составляли руководства, писали таблицы и пр. Кромѣ того, Стефанъ Яковлевичъ усложнялъ свои труды, занимаясь, сверхъ школьной программы, начатками языковъ латинскаго и греческаго съ дѣтьми изъ духовнаго званія поступавшими затѣмъ въ духовныя заведенія.

Якушкинъ тоже сверхъ школьной программы преподавалъ французскій языкъ взрослымъ дочерямъ чиновниковъ и купцевъ.

Отъѣздъ Стефана Яковлевича оставилъ ошутительную пустоту въ колоніи декабристовъ, такъ какъ онъ, по своей врожденной порядочности, дополнялъ собою ихъ кружокъ, хотя, вѣчно занятый, посѣщалъ его довольно рѣдко.

Въ Омскѣ прот. Знаменскій, по свойственному ему смиренію, не искалъ славы, но невольно возвышался надъ общимъ уровнемъ, строго исполняя свои обязанности.

Иванъ Дмитріевичъ привлекалъ дѣтей своимъ терпѣніемъ и веселостью. Онъ охотно удовлетворялъ ихъ любознательность, отвѣчая не только на всѣ вопросы, но и повторяя по нѣскольку разъ, онъ затѣвалъ для нихъ на дворѣ разнообразныя игры и, къ ихъ общей радости, самъ участвовалъ въ нихъ.

Употребленіе въ разговорѣ слова „вздоръ“ невольно употреблялось учащимися въ обоихъ училищахъ.

Денежныя вклады для существованія женской школы съ каждымъ годомъ увеличивались и наконецъ дали возможность Ивану Дмитріевичу выстроить для нея весьма приличный домъ и оставить послѣ своего отъѣзда въ Россію благоустроенной.

Механизмъ вѣтромашины былъ заказанъ Расманову, механику-самоучкѣ, мѣщанину съ дарованіями, который безъ инструментовъ и руководителя мастерилъ часы и довольно вѣрные. Большіе стѣнные часы его работы были привезены М. П. Муравьевымъ-Апостоломъ въ Россію въ память Ялуторовска и трудовъ его лучшаго друга И. Д. Якушкина, открывшаго Расманова, познакомившаго его съ теоріей маятника, съ законами равновѣсія, движенія тѣлъ и т. п.

Сибирскіе часы, по желанію Матвѣя Ивановича, послѣ его кончины переданы старшему внуку Ивана Дмитріевича, В. Е. Якушкину.

Еслибъ Расмановъ не былъ семейнымъ и пожилымъ человѣкомъ, то Якушкинъ не допустилъ бы его таланту затерѣться въ глуши. Но онъ обогатилъ его жизнь пріобрѣтеніемъ необходимыхъ познаній въ его ремеслѣ и осчастливилъ интересными для него заказами—гальванической батареей Бунзена, гигрометромъ и пр.

Такимъ же образомъ была принесена существенная польза и купцу В. И. Сесенину, котораго надоумилъ товарищъ вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать выгодный торговый оборотъ: ни съ того, ни съ сего объявить себя несостоятельнымъ.

Сесенинъ въ восхищеніи отъ хитрой, какъ онъ выражался, штуки, поторопился подѣлиться предстоящимъ счастьемъ съ Якушкинымъ, надѣясь получить отъ умнаго человѣка одобреніе и совѣтъ.

Сесенинъ былъ не дуракъ, не пьяница, не кутила и жилъ съ бездѣтной женой мирно, велъ свои дѣла честно и выгодно для себя, такъ что они шли въ полномъ порядкѣ. Не смотря на это, отъ непривычки думать, онъ удивился, что Иванъ Дмитріевичъ находитъ подобную наживу гнусной и опасной, и не вдругъ это понималъ. Но Якушкинъ не счелъ его негодяемъ и не полѣнился спокойно втолковать ему и представить всю низость злостнаго банкротства.

Впослѣдствіи Сесенинъ узналъ, что товарищъ, завидя его благостоянію, хотѣлъ погубить соперника, надѣясь съ закрытіемъ его лавки расширить обороты своей.

Иванъ Дмитріевичъ пробовалъ вліять и на Мясникова, который, во время процвѣтанія своихъ винокуреннаго завода, хлѣбной торговли и водяныхъ мельницъ, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Ялutorовскѣ хотя хлѣбосольно, но для миллионера довольно скромно.

Елена Филипповна передавала женамъ декабристовъ подъ большимъ секретомъ, что Никита Θεодоровичъ спитъ на сундукѣ, наполненномъ деньгами, между тѣмъ

приказываетъ стлать себѣ постель, ежедневно мѣняя комнату, и утромъ приготовленная ему постель всегда оказывается не въ той комнатѣ, въ которой ее стлали. Поэтому никто въ домѣ никто не можетъ знать, въ которой изъ комнатъ онъ дѣйствительно ночуетъ.

Для своего домашняго обихода Мясниковъ завелъ у себя холмогорскій и голландскіи скотъ и хвастался передъ всѣми, что подобнаго нѣтъ въ Сибири ни у кого. Желая одинъ обладать такою рѣдкостью, онъ приказывалъ уничтожать лишніи для него приплоды, угрожая служителямъ за ослушаніе тѣлеснымъ наказаніемъ и лишеніемъ мѣста.

Якушкинъ тщетно старался направить его стремленіе къ ложной славѣ на истинную:

— „Такая слава ничтожна,“ говоритъ онъ, „и прекратится съ вашею жизнью; не лучше ли, Никита Ѳеодоровичъ, навсегда увѣковѣчить свое имя? Какъ вамъ, нравится, напримѣръ, посмертная слава? чтобъ, значить, внуки, правнуки и дальнѣйшее потомство сибиряковъ благословляли васъ за распространеніе лучшаго скота во всей ихъ обширной странѣ“.—Мясниковъ расхохотался.—„Экой вы, право, чудной, Иванъ Дмитріевичъ! Съ вами животики надорвешь отъ смѣха. А про колоколъ, тотвоно¹⁾, занятовали? Ну, на какого мнѣ, прости Господи, черта нужна послѣ смерти слава? Я колоколъ вылью, да еще не одинъ. Это, тотвоно, для души много пользительнѣе будетъ. Сколько людей перекрестится при всякомъ благовѣстѣ! И все это, значить, мнѣ, грѣшному, на томъ свѣтѣ въ облегченіе будетъ“.

— „Одно другому не мѣшаетъ, Никита Ѳеодоровичъ. И за разведеніе холмогорскихъ и голландскихъ коровъ многіе за васъ помолятся. Развѣ вы счастливы оттого, что только у васъ одного есть породистый скотъ?“

1) Вотъ что или то оно.

„Нѣтъ, вы должны согласиться, что добрая посмертная слава будетъ много лучше пустой временной“.

— „Счастливыѣ я, или не счастливыѣ, Иванъ Дмитріевичъ, но мнѣ все-таки лестно противъ другихъ. А что мнѣ посмертная слава? Эка выдумка!... посмертная... что?“ При этомъ онъ употребилъ не благоуханное слово, имѣя привычку безпрестанно вставлять его въ разговорѣ поочередно съ „тотвоно“, и залился смѣхомъ.

Послѣ припадка неподдѣльной веселости Мясниковъ просилъ это дѣло оставить, такъ какъ онъ человѣкъ простой, и обратился къ Муравьеву-Апостолу.

— „Я знаю, Матвѣй Ивановичъ, что вы щеголь, и покажу вамъ, тотвоно, вещичку,—изъ Петербурга привезъ. И до чего только нынче люди доходятъ своимъ умомъ!“

Онъ отвелъ его въ сторону, чтобъ снять съ себя резиновую подвязку, и показывалъ ее съ дѣтскою радостью за удивительное изобрѣтеніе человѣческаго разума. Матвѣй Ивановичъ похвалилъ вещичку, не нарушая его восторга отъ пріобрѣтенія диковинки.

Сравнительно съ своимъ богатствомъ, Мясниковъ скудно вознаграждалъ труды Балакшина, хотя очень благоволилъ къ нему и отзывался, какъ о честнѣйшемъ человѣкѣ, которому вполне довѣряетъ. Но, по своему умозрѣнію, онъ считалъ глупостью не извлекать выгоды для своего кармана, когда попадется совѣстливый ротозѣй, не умѣющій ни подольщаться къ хозяину, ни выпрашивать награды въ благопріятныя для того минуты.

Однажды Никита Θεодоровичъ, подъ вліяніемъ крупной прибыли, вздумалъ расщедриться: разшутившись съ дѣтьми Балакшина, онъ приказалъ принести холщевый мѣшокъ и, взявъ въ одну руку мелкую серебряную монету, а въ другую мѣдную, обѣщалъ меньшей дѣвочкѣ подарить полный мѣшокъ денегъ по ея выбору. Малютка предпочла новенькія, крупныя мѣд-

ныя монеты. Мясниковъ исполнилъ обѣщанное и хохоталъ до упаду надъ тѣмъ, что Лизочка не знаетъ толка въ деньгахъ.

Ялуторовскій домъ Мясникова былъ только домомъ зажиточнаго человѣка. Но въ Красноярскѣ онъ завелся дворцомъ (теперь ънъ подъ больницей) и окружилъ себя царскою роскошью, которою ему не довелось достаточно насладиться, такъ какъ онъ умеръ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Никита Θεодоровичъ, какъ уже мною было упомянуто, былъ сыномъ миллионера Θεодора Борис. Мясникова, миллионы котораго, послѣ его кончины, довели нѣкоторыхъ изъ родственниковъ, въ препирательствахъ между собой, до уголовныхъ преступлений. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ этотъ процессъ изъ-за его наслѣдства надѣлалъ много шума въ Петербургѣ и упрочился въ памяти юристовъ.

Балакшинъ служилъ Никитѣ Θεодоровичу 35 лѣтъ и даже имѣлъ съ нимъ сообща Колчеданскія горы, участвуя въ прибыляхъ и убыткахъ пріисковъ. Но послѣ смерти Мясникова наслѣдники не признали правъ Балакшина на долю въ этихъ пріискахъ, такъ какъ покойный не потрудился совершить условія съ Балакшинымъ по всѣмъ правиламъ закона; такимъ образомъ, вмѣсто награды онъ причинилъ ему, обремененному многочисленнымъ семействомъ, значительный ущербъ.

Предки Балакшина были татары. Дѣдъ и отецъ Николая Яковлевича жили въ деревнѣ и занимались торговлей, а когда основался городъ Ялуторовскъ, тогда они переѣхали въ городъ.

Старики Балакшины и старшіе ихъ дѣти давно умерли, а изъ младшихъ членовъ семьи теперь никто не живетъ въ Ялуторовскѣ. Всѣ они болѣзненны, но не смотря на это ведутъ трудовую жизнь.

Иванъ Дмитріевичъ получалъ достаточно посылокъ и денегъ, почему могъ жить въ Ялуторовскѣ, при

тогдашней дешевизнѣ, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Но, сторонникъ суровой жизни, онъ былъ ея живымъ примѣромъ и совѣтовалъ подроставшему поколѣнію, въ видахъ своей независимости, всегда довольствоваться только крайне необходимымъ, не лишая себя извѣстныхъ удобствъ, въ которыхъ нуждается всякій образованный человѣкъ.

Якушкинъ нанималъ у Родіоновны верхній этажъ ея маленькаго деревяннаго домика въ двѣ комнаты. Первая комната была довольно просторна, въ два окна, выходящія на улицу, и третье налѣво отъ выходной двери, въ лѣвой стѣнѣ, шло во дворъ; изъ него видѣнъ былъ столбъ съ устроеннымъ на вершинѣ его вѣтромѣромъ. У задней стѣны, направо отъ входной двери, стояла большая старинная печь, за ней вторая дверь вела въ маленькую спальню съ однимъ окномъ, выходившимъ на противоположную часть двора. Правая стѣна большой комнаты была глухая. Входная дверь шла въ темныя, холодныя сѣни, изъ нихъ другая, низенькая, вела на небольшую продолговатую площадку, къ концу которой примыкала, прилегая къ стѣнѣ, узкая, почти отвѣсная, деревянная лѣстница, спускающаяся въ сѣни нижняго этажа, имѣвшія общій выходъ во дворъ. Въ первой комнатѣ, между двумя окнами, стоялъ письменный столъ на двухъ шкафикахъ, вольтеровское кресло съ круглой ножной подушкой, два складныхъ стула, этажерка, маленькій диванчикъ, по обѣимъ сторонамъ комнаты двѣ большія песочницы и въ обѣихъ комнатахъ по стѣнной вѣшалкѣ. Въ спальнѣ находились: узенькая кровать, столъ, табуретъ и шкафъ. Вся мебель была выкрашена черной краской подъ лакъ и обтянута, какъ и стѣны, темно-сѣрымъ коленкоромъ. Въ первой комнатѣ стѣны оживлялись замѣчательной работы копіей Мадонны съ оригинала одного изъ великихъ художниковъ, портретами семейными, товарищей, протоіерея при Казанскомъ С.-Петерб. соборѣ

П. Н. Мысловскаго и магнитомъ, висѣвшимъ въ видѣ подковы; этажерка украшалась гипсовымъ, въ естественную величину, бюстомъ замужней сестры Ивана Дмитриевича.

Родионовна, какъ и большая часть сибирячекъ, обладала проворствомъ, чистоплотностью и повареннымъ искусствомъ; поэтому онъ имѣлъ дома здоровый и вкусный обѣдъ, и квартира его, свѣтлая и теплая, всегда щеголяла необыкновенною опрятностью.

Въ одеждѣ Якушкина соблюдалась тоже строгая простота: онъ носилъ неизмѣннаго покроя черный казакинъ зимой, а лѣтомъ сѣрый изъ хорошей, прочной ткани съ ослѣпительно бѣлыми отложнымъ воротничкомъ или пробивающимся кантомъ изъ-подъ широкаго чернаго галстука, и нарукавниками, и часы на черно-муаровой тесемкѣ; дома, смотря по погодѣ, онъ надѣвалъ куртку или ваточный халатъ съ вышитыми туплями.

Отсутствіе неряшества и общая гармонія придавали праздничный видъ и свѣжесть квартирѣ, одеждѣ и хозяину, или лучше сказать, что его свойства отражались на всемъ его окружающемъ.

Онъ смѣялся надъ непостоянствомъ и часто безсмысленностію моды, надѣясь, что со временемъ люди будутъ одѣваться сообразно климату, сложенію и образу жизни, имѣя прежде всего въ виду сохраненіе здоровья, что не можетъ помѣшать красотѣ покроя одежды. Самъ любя красоту во всемъ, во имя ея и жалѣя дѣвочекъ-подростковъ, онъ съ жаромъ доказывалъ барышнямъ и ихъ маменькамъ вредъ и безобразіе неестественно удлинять свои таліи, перетягивая самыя важныя органы въ ущербъ здоровью, а слѣдовательно и красотѣ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ показывалъ имъ очерки изящныхъ формъ Венеры Медицейской.

По его настоянію, воспитанницы Муравьева-Апостола, пока росли и развивались физически, до тѣхъ поръ

не носили корсетовъ, а одѣвались въ просторные ка-
пюты съ свободно застегнутыми кожаными поясами;
хотя на это не было одобренія милой щеголихи Алек.
Васил. Ентальцевой.

Ив. Дм. Якушкинъ родился 28 декабря 1796 г. болѣз-
неннымъ ребенкомъ, до 9 лѣтъ страдалъ тяжестью въ
головѣ, несообразительностью и вялостью. Родители
отчаявались въ его умственныхъ способностяхъ. Но
къ 10-ти годамъ онъ окрѣпъ, сталъ постепенно разви-
ваться физически и умственно, началъ учиться съ увле-
ченіемъ взрослого человѣка, оказывая недюжинныя
способности и необыкновенную живость характера.
Поступивъ въ московскій университетъ, онъ жилъ у
профессора Мерзлякова, котораго всегда вспоминалъ
съ любовью и уваженіемъ. Въ 1811 г. онъ былъ опредѣ-
ленъ на службу и зачисленъ подпрапорщикомъ въ лейбъ-
гвардіи Семеновскій полкъ, гдѣ немедленно сошелся и
навсегда сдружился съ М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ,
участвовалъ съ нимъ въ походахъ 1812, 13 и 14 годовъ.
Подъ Бородиномъ они вмѣстѣ стояли подъ знаменемъ
3-го батальона Семеновскаго полка. По полнотѣ, цвѣту-
щему здоровью и выносливости походной жизни, Якуш-
кина прозвали въ полку „бычкомъ“. Но его черные,
густые волосы, сохранившіеся до конца его жизни,
къ 22 годамъ уже серебрились замѣтной сѣдиной.

Въ 1816 году въ Петерб. военная молодежь находилась
въ напряженномъ состояніи духа. Она волновалась, ося-
зательно убѣждаясь, что прежде любимый ею Алек-
сандръ I-ый, обѣщавшій въ своемъ манифестѣ идти по
стопамъ своей знаменитой бабки, относится къ русскому
народу съ каждымъ годомъ съ большимъ и большимъ
пренебреженіемъ, непонятно усилившимся послѣ побѣды
1812 года, и, какъ бы въ подражаніе отцу, отступаетъ
отъ народной политики, что и вызвало возникновеніе
Тайнаго Союза, мирное существованіе котораго значи-
тельно смягчало тогдашніе нравы.

Въ этомъ же году носились слухи о предстоящей войнѣ съ Турціей. Поэтому Иванъ Дмитріевичъ подалъ прошеніе о своемъ переводѣ въ 37-й егерскій полкъ, обрадовавшись серьезной причинѣ, чтобъ выйти изъ гвардіи. Тѣмъ временемъ онъ, князь Сер. Петр. Трубецкой, Мат. Иван. и Сер. Иван. Муравьевы-Апостолъ жили въ казармахъ. У послѣднихъ онъ часто встрѣчался съ ихъ троюродными братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ, Николаемъ Николаевичами и Никитой Михайловичемъ. Послѣ одной изъ обыкновенныхъ бесѣдъ о положеніи Россіи, Александръ Николаевичъ предложилъ Якушкину и обоимъ братьямъ Муравьевымъ-Апостолъ составить Тайное Общество, цѣлью котораго будетъ въ обширномъ смыслѣ забота о благѣ Россіи, прибавляя, что онъ съ Никитой Михайловичемъ и княземъ Трубецкимъ уже рѣшили основать это Общество.

Послѣ общаго соглашенія положено было выработать уставъ для общества и условлено принимать новыхъ членовъ не иначе, какъ по тщательной провѣркѣ и съ общаго совѣта его основателей.

Вступивъ въ Т. О., Иванъ Дмитріевичъ вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга въ 37-й егерскій полкъ. Узнавъ отъ полковаго командира Михаила Александровича Фонвизина, что полкъ будетъ расформированъ и въ началѣ 1817 года въ кадрахъ отправится въ Москву, намѣреваясь въ сентябрѣ подать въ отставку, онъ поэтому, по совѣту полковаго командира, не принялъ роты.

Въ концѣ 1817 года, по случаю переѣзда всей царской семьи на 10 мѣсяцевъ въ Москву, туда заранѣе прибылъ отдѣльный гвардейскій корпусъ. Тогда Иванъ Дмитріевичъ свидѣлся со всѣми своими товарищами.

Со времени его отсутствія Т. О. чрезвычайно разрослось, хотя изъ прежнихъ членовъ многіе отдалились отъ него, и изъ первыхъ братья Муравьевы—Александръ, Михаилъ и Николай Николаевичи. Безпокойство въ Обществѣ съ каждымъ днемъ увеличивалось, такъ какъ

Александръ І-ый уже приступилъ къ осуществленію взлелѣннаго имъ проекта военныхъ поселеній, преслѣдовалъ героевъ Отечественной войны и нянчился съ Польшей, стараясь возвысить ее надъ Россіей. Самые невѣроятные слухи, при неутѣшительной дѣйствительности, принимались молодежью на вѣру, доводя ее до изступленія. Такими путями отголоски французской революціи не замедлили воздѣйствовать на большую часть членовъ Т. О., которое, вопреки сдерживающему вліянію благоразумныхъ людей, значительно отклонялось отъ своего первоначальнаго направленія и безъ осмотра трительности увеличивалось новыми членами.

Иванъ Дмитриевичъ, всецѣло отдавшись дѣлу этого Общества, испыталъ на самомъ себѣ, до какой пагубной¹⁾ крайности, при новомъ его настроеніи, способенъ дойти человѣкъ, одушевленный даже самыми высокими побужденіями; поэтому въ 1818 году онъ отказался отъ участія въ Т. О.; но, будучи коротко знакомъ съ его главными членами, не прерывалъ съ ними прежнихъ дружескихъ сношеній и невольно втягивался въ него.

Въ 1819 году Якушкинъ вышелъ въ отставку капитаномъ. По просьбѣ своихъ крестьянъ, онъ поселился въ своемъ имѣніи Жуковѣ, Смоленской губ., и занялся улучшеніемъ ихъ быта: уменьшилъ на половину господскую запашку, уничтожилъ многіе тягостные для крестьянъ и бесполезные для помѣщиковъ поборы. Онъ выбралъ изъ крестьянскихъ дѣтей 12 способнѣйшихъ мальчиковъ и самъ училъ ихъ грамотѣ, намѣреваясь затѣмъ помѣстити ихъ въ Москвѣ въ ученіе въ различныя мастерскія, не для своей, а ради ихъ собственной выгоды; имѣя въ виду неплодородіе почвы Смоленской губ., онъ рассчитывалъ, что знаніе ремесла

1) Возникновеніе въ обществѣ мысли о царевубійствѣ, по милости слуховъ, что Александръ І-ый, отступая отъ народной политики, намѣренъ увеличить Польшу въ ущербъ Россіи.

послужить имъ подспорьемъ при скудныхъ земледѣльческихъ заработкахъ.

По своимъ тогдашнимъ понятіямъ, онъ собирался освободить своихъ крестьянъ безъ земли, отдавая имъ безвозмездно въ полное владѣніе ихъ дома, скотъ и все ихъ имущество съ правомъ нанимать у него землю или обрабатывать ему за извѣстное вознагражденіе; при этомъ усадьбы и выгоны въ томъ видѣ, какъ они находились, оставались принадлежностью тѣхъ же деревень. Крестьяне, внимательно выслушавъ его, отказались отъ безземельной свободы. Впослѣдствіи, находясь въ Сибири, онъ съ восхищеніемъ вспоминалъ объ этомъ, какъ о доказательствѣ здраваго смысла русскаго народа. Но тогда онъ смотрѣлъ иначе и, желая на дѣлѣ пріучить своихъ крестьянъ къ подобнаго рода свободѣ, въ 1820 году сильно хлопоталъ въ Петербургѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ объ ихъ освобожденіи, но хлопоты кончились ничѣмъ.

Въ это время въ Петербургѣ вообще уже много толковали о крѣпостномъ состояніи; даже въ Государственномъ Совѣтѣ разсуждали о непристойности у насъ продажи людей. Между прочимъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ онъ узналъ, что съ 1805 года освобождено крестьянъ, по учрежденіи вольныхъ хлѣбопашцевъ, всего 30000 человекъ, въ томъ числѣ 20000 принадлежавшихъ князю Голицыну, извѣстному въ Москвѣ моту, крестьяне котораго откупились, заплативъ его долги. Незначительное число освободившихся крестьянъ въ продолженіи 15 лѣтъ служило доказательствомъ, что на существовавшее учрежденіе вольныхъ хлѣбопашцевъ нельзя разсчитывать, какъ на средство для уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи.

Въ деревнѣ Иванъ Дмитріевичъ велъ суровую жизнь; довольствовался для личныхъ услугъ однимъ человекомъ; каждый крестьянинъ во всякое время имѣлъ къ нему доступъ; желая привести въ извѣстность все свое имѣ-

ніе, онъ самъ ежедневно ходилъ на сѣмки со своими деревенскими учениками, смѣняя физическую работу на умственную.

На женщину онъ смотрѣлъ съ идеальной точки зрѣнія; поэтому для него невысказаны были обычные для молодыхъ людей связи до женитьбы.

Въ ранней молодости онъ нѣсколько лѣтъ былъ влюбленъ въ княжну Нат. Дмитр. Щербатову и считалъ эти годы блаженной муки возвышеннѣйшимъ счастьемъ въ своей жизни. Собираясь на ней жениться, онъ никогда не имѣлъ мужества сдѣлать предложеніе. Наконецъ рѣшившись просить ея руки у князя, онъ не засталъ его дома. Тогда, глубоко взволнованный, въ сотый разъ откладывая сватовство, онъ уѣхалъ въ свою деревню и возвратился въ Москву только черезъ годъ. Между тѣмъ въ его отсутствіе княжна вышла замужъ за князя Шаховского.

Теща Мих. Ник. Муравьева, Надежда Николаевна Шереметева, рожденная Тютчева, между товарищами своего зятя давно отличала особеннымъ вниманіемъ Якушкина; послѣдній и самъ любилъ бесѣдовать съ умной, добрейшей и набожной старушкой, восторгавшейся своеобразномъ складомъ его ума, характера и образа жизни, проникнутыхъ идеальнымъ душевнымъ благородствомъ. По общему отзыву, и Шереметева¹⁾ выдавалась изъ ряда обыденныхъ женщинъ своего круга. Поэтому не мудрено, что между ними завязалась дружба, въ силу которой она сама предложила ему жениться на ея 16-лѣтней дочери, замѣчательной красавицѣ, которой нельзя было не увлечься.

Свадьба состоялась въ концѣ 1822 года, по настоящему требованію Івана Дмитріевича, безъ малѣйшихъ приготовленій, даже безъ новыхъ платьевъ,

¹⁾ Впослѣдствіи Н. В. Гоголь считалъ ее своею духовною матерью.

словомъ, безъ обычной суеты съ приданнымъ и ободными подарками, довольствуясь только тѣмъ, что въ данную минуту имѣлось у невѣсты и жениха. Поэтому въ свадебное и вмѣстѣ съ тѣмъ прощальное посѣщеніе родныхъ и близкихъ знакомыхъ молодая вынуждена была надѣть свое коротенькое платье дѣвочки-подростка.

Весь 1823 годъ молодые провели уединенно въ подмосковномъ имѣніи Н. Н. Шереметевой, а затѣмъ годы 1824 и 1825 они прожили въ Жуковѣ.

Иванъ Дмитріевичъ усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ. Часть его полей уже обрабатывалась наемными людьми. Онъ надѣялся, что съ улучшеніемъ состоянія крестьянъ, они скоро найдутъ возможность платить ему оброкъ, часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку земли, которою они пользовались, и что со временемъ они, совершенно освободясь, приобретутъ въ собственность необходимую для нихъ землю.

Въ концѣ 1825 года, во время поѣздки съ семействомъ въ Москву, на дорогѣ его смутило неожиданное извѣстіе о кончинѣ Александра I-го, смутило болѣе, нежели онъ могъ себѣ представить. Вопреки сознанія, что послѣдніе годы его царствованія были несчастными для Россіи, онъ невольно вспоминалъ, что за покойнымъ было прошедшее, что по вступленіи на престолъ, въ продолженіи 12 лѣтъ, усиліями императора Россія была двинута впередъ по всѣмъ частямъ, тогда какъ никто изъ великихъ князей не заслужилъ къ себѣ общаго расположенія, и менѣе всѣхъ имъ пользовался цесаревичъ Константинъ Павловичъ, отличившійся необузданностью характера.

10 января 1826 года, за вечернимъ чаемъ, въ кругу своей семьи, Якушкимъ былъ арестованъ; простившись съ женой, сыномъ и тещей, онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ, послѣ допросовъ генерала Левашева и новаго

императора, закованъ и посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости.

Здѣсь онъ познакомился и сблизился съ протоіереемъ Казанскаго собора Петромъ Николаевичемъ Мысловскимъ, ежедневно навѣщавшимъ узниковъ. Онъ приносилъ имъ извѣстія отъ родныхъ, въ послѣдствіи сопровождалъ на казнь его товарищей и съ многими ссыльными изъ нихъ велъ переписку.

Въ первыхъ числахъ февраля плацъ-адъютантъ Трусовъ принесъ Ивану Дмитріевичу письмо отъ жены, извѣщавшей его о благополучномъ рожденіи второго сына и о своемъ здоровьи, послѣ чего онъ, успокоенный относительно своей семьи, считалъ себя счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Въ порывѣ радости онъ готовъ былъ письменно благодарить царя за присланное письмо. Но въ эту минуту офицера не было въ равелинѣ, и поэтому его намѣреніе осталось не выполненнымъ.

Передъ пасхой кандалы были съ него сняты. Во время суда ему дозволены были свиданья съ тещей, женой и дѣтьми. Послѣ 6-мѣсячнаго заключенія, по приговору верх. угол. суда, Якушкинъ, какъ всѣ по 1-му разряду, былъ приговоренъ къ отсѣченію головы. Но послѣ казни пятерыхъ (повѣшенныхъ,) онъ былъ съ прочими переведенъ въ крѣпость, а 5 августа отправленъ въ Финляндію съ М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, А. Бестужевымъ (Марлинскимъ), Арбузовымъ и Тютчевымъ въ Роченсальмъ; оттуда ихъ немедленно отправили въ катерѣ въ крѣпость Фортъ-Слава.

Путешествіе изъ Петербурга для узниковъ казалось пріятной прогулкой: они наслаждались чистымъ воздухомъ и общей между собой бесѣдой. На станціи Парголово ихъ встрѣтили семья Якушкина, сестра М. И. Муравьева-Апостола, Ек. Ив. Бибикова, его тетка, Ек. Θεод. Муравьева, протоіерей Мысловскій и Н. А. Фонвизинъ.

Между Якушкиными было рѣшено, что его жена, Анастасья Васильевна, съ дѣтьми послѣдуетъ за нимъ въ Сибирь, а теща обѣщалась сопровождать ихъ до мѣста его назначенія.

Крѣпость, построенная фельдмаршаломъ Суворовымъ, была запущена, сыра; ихъ стражъ и непосредственное начальство, гарнизонный артиллерійскій поручикъ, выслужившій изъ солдатъ, не злой, но неосмысленный человѣкъ, хотя обращался съ ними неровно, но большею частью не стѣснялъ ихъ и собиралъ вмѣстѣ, но, соблюдая свои выгоды, кормилъ ихъ гнилью; къ тому же и вода въ колодцахъ была плохая, а покупаемый въ Роченсальмѣ хлѣбъ былъ почти всегда недопеченъ. Вслѣдствіи этого у Муравьева-Апостола, Бестужева и Арбузова завелись солитеры. Тютчевъ и Якушкинъ хотя не подвергались этой болѣзни, но въ общемъ ихъ здоровье все-таки пострадало.

Послѣ подобныхъ испытаній Якушкина не покидала лихорадка, и, разъ'похудѣвши, онъ уже не поправлялся и при лучшемъ образѣ жизни, хорошей пищѣ и его замѣчательномъ аппетитѣ.

Изъ Фортъ-Славы увезли въ октябрѣ сначала Бестужева, а затѣмъ и Муравьева-Апостола; ихъ избавили отъ каторжной работы и отправили на поселеніе въ В. Сибирь. Якушкина увезли съ остальными въ концѣ ноября, въ Роченсальмѣ заковали и отправили тоже въ В. Сибирь, но въ каторжную работу.

Въ Ярославѣ ему было дозволено свиданіе съ семействомъ. Но радость свиданья омрачилась неожиданной для него новостью: не успѣвшимъ немедленно воспользоваться первымъ позволеніемъ, тещѣ было вскорѣ отказано провожать дочь въ Сибирь, а женѣ его, желавшей слѣдовать за нимъ, какъ и прочимъ, не разрѣшено брать съ собою дѣтей.

Послѣ нѣкоторой борьбы, считая преступленіемъ лишать своихъ малютокъ нѣжныхъ материнскихъ ласкъ

и попеченій, Якушкинъ рѣшился уговаривать жену оставаться при дѣтяхъ, которая долго сопротивлялась его просьбамъ; наконецъ, она вынуждена была согласиться и дать ему слово, что она ни въ какомъ случаѣ ихъ не покинетъ. Послѣ такой тяжелой жертвы, по его словамъ, хотя онъ чувствовалъ нравственное облегченіе, но, навсегда разставаясь съ юной, любящей женой и дѣтьми, онъ, при всей твердости своего характера, простившись съ ними, долго плакалъ, какъ безпомощное дитя.

Впослѣдствіи Анастасья Васильевна нѣсколько разъ писала ему, что не чувствуетъ въ себѣ способностей быть полезной своимъ дѣтямъ и настаивала на позволеніи пріѣхать къ нему. Но Якушкинъ былъ твердъ въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи, такъ какъ, забывая себя, онъ имѣлъ еще въ виду тяжелую разлуку съ дочерью многоуважаемой имъ тещи и этимъ какъ бы предоставлялъ ея волѣ поѣздку своей жены въ Сибирь.

Говорили, что Надежда Николаевна сначала довольно продолжительно всячески задерживала при себѣ дочь, а затѣмъ ея положеніе при матери съ теченіемъ времени упрочилось само собой.

22-го ноября въ Иркутскѣ Иванъ Дмитріевичъ засталъ Муравьева-Апостола и А. Бестужева. Они были на свободѣ, и ихъ отправляли за Байкалъ: перваго въ Вилуйскъ, второго въ Якутскъ.

Наканунѣ Рождества Якушкинъ прибылъ съ товарищами въ Читу. Здѣсь въ острогѣ, бывшемъ этапъ для проходящихъ партій ссыльныхъ въ каторгу, въ концѣ зимы сосредоточили всѣхъ присужденныхъ къ работѣ, присоединивъ къ нимъ и 8 человѣкъ, которые послѣ приговора тотчасъ же были отправлены въ Нерчинскіе заводы.

Въ острогѣ дѣлали наскоро поправки и новыя постройки; несмотря на это, помѣщеніе все-таки было довольно тѣсное и плохое. Но въ это время для нихъ

уже строили въ Петровскомъ чугунномъ заводѣ, за 600 верстъ отъ Читы, большой тюремный замокъ. Впрочемъ, при всѣхъ неудобствахъ, подѣ надзоромъ стараго коменданта, генераль-маіора Станислава Романовича Лепарскаго, поляка образованнаго, умнаго и добраго, узникамъ жилось сравнительно хорошо. Ихъ работа была посильная и не принудительная.

Лепарскій, при твердости своего характера и практичности, умѣлъ выполнять строгія предписанія отъ комитета со свойственнымъ ему человѣколюбіемъ и въ послѣдствіи успѣшно ходатайствовалъ о ихъ смягченіи.

Правительство вполнѣ довѣряло ему, какъ человѣку съ яснымъ, положительнымъ умомъ, всецѣло преданному русскому царю и отечеству, которое считалось въ ихъ семьѣ общимъ съ Польшею, нераздѣльною отъ Россіи. Отецъ Лепарскаго запечатлѣлъ свою преданность Россіи своею кровью: онъ былъ убитъ поляками въ 1831 г.

Внутренняя жизнь въ казематахъ велась безъ стѣсненій. Они имѣли много общаго между собой, хотя разнились по лѣтамъ и мнѣніямъ; поэтому они мало по малу раздѣлились на кружки, состоящіе изъ людей болѣе близкихъ другъ другу по понятіямъ и влеченіямъ. Но всѣ они жили между собой мирно и вели образъ жизни дѣятельный, дополняя свое образованіе (ими получались всевозможные журналы и книги на языкахъ: русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ), учились или учили другихъ, занимались изящными искусствами и разнообразными ремеслами, такъ что всѣ ихъ потребности удовлетворялись собственнымъ трудомъ, а въ матеріальномъ отношеніи преимущество состояній ступшеывались заведенною ими артелью.

Осенью 1828 г., по высочайшему повелѣнію, цѣпи были со всѣхъ сняты. Сроки работъ опредѣлились по разрядамъ (правительство уменьшало ихъ по случаю коронаціи и прочихъ радостныхъ происшествій въ цар-

ской семьѣ), поэтому большая часть узниковъ постепенно отсылалась въ разныя мѣста на поселеніе, исключая Толстого и Корниловича, которые, вскорѣ по прибытіи въ Читу, были увезены на Кавказъ въ солдаты.

Въ іюлѣ 1830 г., по окончаніи постройки тюремнаго замка въ Петровскомъ заводѣ, ихъ собрали въ походъ двумя партіями подъ конвоемъ и съ проводниками бурятами. Въ первой шелъ самъ генералъ Лепарскій, во второй его племянникъ, плацъ-маіоръ Лепарскій, и одинъ плацъ-адъютантъ.

Благопріятная погода, частыя дневки съ возможными удобствами, отсутствіе стѣсненій обратили почти мѣсячный походъ узниковъ въ прелестную, веселую прогулку. Всякій изъ нихъ, по желанію, могъ ѣхать въ повозкѣ или итти пѣшкомъ и отходить нѣсколько въ сторону, такъ что нѣкоторые изъ нихъ занимались изслѣдованіемъ тамошней флоры и сборомъ коллекцій насѣкомыхъ.

Между ними Якушкинъ считался лучшимъ ботаникомъ. Занимаясь преимущественно естественными науками, онъ не переставалъ постоянно пополнять свое общее образованіе, такъ какъ для него умственный трудъ былъ насущной потребностью и высшимъ наслажденіемъ. Поэтому онъ легко мирился съ превратностями судьбы, былъ всегда бодръ и веселъ. По выдающимся свойствамъ ума и характера, онъ имѣлъ вліяніе на большую часть своихъ товарищей, хотя многіе изъ нихъ были значительно старше его годами, напримѣръ, М. А. Фонвизинъ, которымъ онъ овладѣлъ съ первой встрѣчи съ нимъ; въ минуты скорби и упадка они искали его нравственной поддержки и, побесѣдовавъ съ нимъ, чувствовали себя сильнѣе. Онъ умѣлъ живо представить имъ, что всякое дурное положеніе имѣетъ свои хорошія и даже полезныя стороны, что во всякомъ положеніи Провидѣніе налагаетъ на насъ извѣстныя обязанности къ ближнимъ, строгое исполненіе

которыхъ, при усиленномъ умственномъ трудѣ и прочихъ занятіяхъ, не допускаетъ человѣка до унынія.

— „Да тогда у васъ, господа, не хватитъ времени заниматься такимъ вздоромъ“, добавлялъ онъ съ добродушной улыбкой, которая казалась еще привлекательнѣе отъ ряда виднѣвшихся зубовъ ослѣпительной бѣлизны. Такое неожиданное и своеобразное заключеніе вызывало смѣхъ и измѣняло унылое настроеніе духа собесѣдниковъ на весьма продолжительное время.

Въ 1836 г. многимъ изъ узниковъ кончился срокъ работъ, въ томъ числѣ и Якушкину, который былъ отправленъ на жительство въ Ялуторовскъ, гдѣ онъ и продолжалъ свою благотворную дѣятельность до самаго возвращенія въ Россію.

Въ продолженіе своего житія въ Ялуторовскѣ, Иванъ Дмитріевичъ, съ высочайшаго разрѣшенія, ѣздилъ нѣсколько разъ въ Тобольскъ, подъ предлогомъ лѣченія, и одинъ разъ въ Иркутскъ. На самомъ дѣлѣ онъ не любилъ прибѣгать къ докторской помощи; но, признавая пользу водолѣченія, начиналъ купаться въ р. Тоболѣ тотчасъ по очищеніи льда и непрерывно продолжалъ купанье до самыхъ заморозковъ.

По его совѣту, от. прот. Знаменскій лѣчился купаньемъ такимъ же способомъ. Въ Ялуторовскѣ Якушкинъ видѣлся поочередно съ обоими сыновьями: меньшему, Евгенью Ивановичу, была дана возможность побывать въ Сибири по служебнымъ дѣламъ (онъ служилъ при М. Н. Муравьевѣ), а старшій, Вячеславъ Ивановичъ, отправляясь въ Иркутскъ на службу къ Н. Н. Муравьеву, прожилъ съ отцомъ въ Ялуторовскѣ болѣе мѣсяца. Затѣмъ Иванъ Дмитріевичъ получилъ дозволеніе ѣхать за Байкаль на Тункинскія минеральныя воды и поэтому съ 1854 г. находился въ Иркутскѣ для сына и возвратился вмѣстѣ съ нимъ въ Ялуторовскъ 25 августа 1856 г., повицимому, съ обновленными силами.

Вячеславъ Ивановичъ, казалось, былъ въ цвѣтущемъ здоровіи, чрезвычайно веселомъ настроеніи духа и жаловался только на маленькую неловкость въ горлѣ. Муравьевъ-Апостоль лѣчилъ его баней, его жена припарками, одна изъ ихъ барышень симпатическимъ средствомъ: навязывая ему на шею красную шерстинку, а ялуторовскій докторъ Боршевскій совѣтовалъ немедленно переселиться на югъ. Многіе смѣялись, что онъ находилъ больного непоправимымъ, полагая, что и въ тепломъ климатѣ можно разсчитывать только на немногіе годы жалкаго существованія.

Вячеславъ Ивановичъ въ послѣдствіи служилъ въ Крыму, постепенно разрушаясь и скончался еще въ цвѣтѣ лѣтъ въ 1861 году.

Послѣ милостиваго манифеста, обнародованнаго при коронаціи, Иванъ Дмитріевичъ возвратился въ Россію въ февралѣ 1856 г. къ своему меньшему сыну, тогда проживавшему съ семействомъ въ Москвѣ.

Евгеній Ивановичъ надѣялся выхлопотать больному отцу дозволеніе оставаться при немъ, такъ какъ сначала декабристамъ было запрещено жить въ столицахъ.

Еле живой, Иванъ Дмитріевичъ существовалъ только бодростью своего духа и, чувствуя себя привольно въ кругу родной семьи, не терялъ своей обычной веселости.

Его навѣщали старые друзья и знакомые; прощаясь съ ними, онъ просилъ не забывать филипповцевъ, потому что квартира его сына находилась на Мѣщанской, близъ церкви св. Филиппа митрополита. По этому поводу былъ сдѣланъ кѣмъ-то доносъ московскому генер.-губерн. Закревскому, что будто бы декабристы, возвратившись въ Россію, составили „Общество филипповцевъ“, послѣ чего Закревскій не давалъ имъ заживаться въ Москвѣ.

Вслѣдствіи этого Иванъ Дмитріевичъ вынужденъ былъ разстаться съ сыновьями, что и повліяло неблаго-

пріятно на его слабое здоровье. Въ порывѣ негодованья онъ готовъ былъ вернуться въ Ялуторовскъ, гдѣ никто не смѣлъ его беспокоить въ собственной квартирѣ и выживать изъ города.

Якушкинъ воспользовался дружескимъ приглашеніемъ Николая Николаевича Толстого (бывшаго своего сослуживца семеновскаго полка), чтобъ переѣхать къ нему въ имѣніе „Новинки“, находящееся на границѣ Тверской и Московскоѣ губ., въ 7-ми верстахъ отъ желѣзной дороги, что давало возможность получать быстрыя вѣсти отъ своихъ и часто видѣться съ ними.

Не смотря на всѣ удобства помѣшенія, пріятное общество и дружескія попеченія, здоровье Ивана Дмитріевича не возстановлялось. Наконецъ, ему было разрѣшено переѣхать для лѣченія въ Москву.

Муравьевъ-Апостолъ часто навѣщалъ Якушкина и въ Новинкахъ, и въ Москвѣ. 9-го августа 1857 года онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ у своего племянника М. И. Бибикова. Тогда Иванъ Дмитріевичъ извинялся передъ нимъ, что до сихъ поръ еще не побывалъ у него въ Твери. 10 августа Матвѣй Ивановичъ выѣхалъ изъ Москвы, успокоенный на счетъ состоянія его здоровья, а 11 августа, вечеромъ, получилъ телеграмму о кончинѣ Ивана Дмитріевича.⁸ Кончина была тихая, какъ наступающій сонъ. 12 августа Муравьевъ-Апостолъ опять отправился въ Москву.

13 августа Ивана Дмитріевича похоронили на Пятницкомъ кладбищѣ, недалеко отъ памятника Грановскаго.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ смерти своего лучшаго друга, Матвѣй Ивановичъ говорилъ, что онъ похоронилъ съ нимъ половину себя; при этомъ съ умиленіемъ вспоминалъ первую встрѣчу съ покойнымъ въ 1811 году, прибавляя, что съ тѣхъ поръ онъ полюбилъ его всею душой и въ продолженіи 46 лѣтъ не только не находилъ причинъ къ разочарованію, но, напротивъ,

съ теченіемъ времени открывалъ въ немъ все новыя и новыя высокія достоинства.

Объ Иванѣ Ивановичѣ Пущинѣ и князѣ Евгеньѣ Петровичѣ Оболенскомъ Голодниковъ писалъ, очевидно, по однимъ предположеніямъ, соображаясь съ различными нелѣпыми слухами, почему у него и вышла весьма неприглядная картинка во вкусѣ нынѣшняго времени, не имѣвшая ничего общаго со строгими нравами дружнаго кружка ялutorовскихъ декабристовъ, высоко понимавшихъ смыслъ дружбы. Послѣдняя не была для нихъ пустымъ обмѣномъ взаимныхъ любезностей или взаимнымъ потворствомъ слабостей,—напротивъ, друзья считали долгомъ поддерживать другъ друга на скользкомъ жизненномъ пути; при малѣйшемъ отклоненіи жесткіе упреки друга и настойчивыя требованія къ порядку принимались съ горячею благодарностью и еще больше скрѣпляли дружескія отношенія. Иногда провинившійся самъ собиралъ всѣхъ товарищей, исповѣдывался передъ ними и послѣ общаго совѣщанія принималъ крутыя мѣры къ пресѣченію зла.

Они считали крайне вреднымъ для общества всякое нарушеніе общественной нравственности, особенно людьми, стоящими на виду (въ уничиженіи они стояли на виду не менѣе высокопоставленныхъ дѣятелей). Напримѣръ, М. И. Муравьевъ-Апостолъ любилъ при случаѣ рассказать, что въ л.-г. семеновскомъ полку, въ которомъ онъ служилъ съ братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ, ими былъ введенъ между офицерами обычай, по которому, послѣ безполезныхъ увѣщаній, сообща просили товарищей, имѣвшихъ при себѣ женщинъ на содержаніи, выдти изъ полка, и что они постоянно старались увлечь этимъ примѣромъ офицеровъ другихъ полковъ.

Дочь Никиты Михайловича Муравьева, С. Н. Бибикова, родившаяся въ В. Сибири, находилась при отцѣ

до самой его кончины, послѣ чего была привезена въ Москву 14 лѣтъ къ своей бабушкѣ Е. Ѳ. Муравьевой; она тоже подтверждала (о чемъ помнятъ и ея сыновья), что всѣ декабристы отличались скорѣе крайнею щепетильностью нравовъ, нежели распушенностью, исключая весьма рѣдкихъ отклоненій, и то болѣе между очутившимися одиноко на поселеніи въ глуши, но ни въ какомъ случаѣ никто изъ нихъ не щеголялъ выставкой своихъ слабостей или безнравственности; тѣмъ менѣе это могло быть терпимо въ строгой, образцовой ялutorовской колоніи. Поэтому И. И. Пущинъ и Е. П. Оболенскій, переѣхавъ изъ г. Туринска въ Ялutorовскъ, не могли держать при себѣ для извѣстной цѣли хорошенькихъ горничныхъ или экономокъ и, по выраженію Голодникова, изъ дружбы уступать ихъ другъ другу.

У нихъ жила старуха Матрона Михеевна Мѣшалкина; она самостоятельно завѣдывала хозяйствомъ, нанимала для нихъ прислугу, и на ея имя получались письма.

Когда Пущинъ привезъ изъ Туринска дочь Аннушку, грудного ребенка (причина его переселенія въ Ялutorовскъ), тогда Михеевна взяла для нея весьма некрасивую няню, 24 лѣтнюю Вареньку. Оболенскій вовсе не сближался съ ней до брака и женился не вслѣдствіи ея беременности, такъ какъ Пущинъ съ товарищами всячески отклоняли его отъ этой нелѣпости, грозили прервать съ нимъ сношенія и, избобрѣтая различныя препятствія, умѣли оттянуть свадьбу на годъ. Затѣмъ Оболенскій все-таки женился на нянѣ его дочери, и ихъ первенецъ родился послѣ брака своевременно, въ концѣ года.

По разсказу Голодникова можно заключить, что Евгенийъ Петровичъ, не получивъ отъ товарищей одобренія на бракъ съ Варенькой, тотчасъ же перебрался съ ней въ домъ купцовъ Ильиныхъ, тогда какъ онъ нанялъ квартиру Ильиныхъ только передъ самой свадьбой.

Онъ, дѣйствительно, переѣхалъ отъ Пушина задолго до женитьбы, потому что Иванъ Ивановичъ отказалъ его невѣстѣ отъ мѣста. Но все это время онъ жилъ на окраинѣ города одинъ, въ какой-то лачугѣ, въ постѣ и молитвѣ, изрѣдка навѣщая Вареньку съ уморительными предосторожностями.

Товарищи смѣялись надъ его безтактностью, говорили, что онъ служить соблазномъ, напрашивается на грязныя городскія сплетни, компрометируетъ себя и свою невѣсту, такъ какъ въ Ялуторовскѣ никто не повѣритъ, что онъ ничего предосудительнаго не дѣлаетъ, а только напускаетъ на себя юродство. На это онъ отвѣчалъ, что злословіе со временемъ само собою рушится, ибо темные духи хотя и носились около Вареньки, но не касались ея.

Евгеній Петровичъ вообще отличался странною неловкостью и во всякомъ дѣлѣ предпринималъ совершенно не соотвѣтствующія дѣйствія.

По рассказамъ товарищей, до ссылки онъ дрался вмѣсто своего брата на поединкѣ съ какимъ-то Свиньинымъ и, по несчастью, убилъ противника, тогда какъ по своей сердечной добротѣ онъ не способенъ былъ убить мухи. Прискорбное событіе терзало его всю жизнь. Съ этого времени онъ обратился къ Богу, началъ усердно молиться и накладывать на себя нравственныя вериги. Съ этою цѣлью (что подтверждала и С. Н. Бибикова) еще въ В. Сибири онъ собирался жениться на старой и рябой горничной княгини Екатерины Ивановны Трубецкой, которой удалось отговорить его тѣмъ легче, что и сама горничная пришла въ недоумѣніе отъ предложенія Евгенья Петровича и не видѣла въ этомъ для себя счастья, даже высказала Екатеринѣ Ивановнѣ сомнѣніе: „не повредился ли князь разсудкомъ?“

Точно также онъ задумалъ жениться въ Туринскѣ. Но невѣста его скончалась.

Вареньку онъ тоже ошеломилъ своимъ сватовствомъ. Она просила жену Муравьева-Апостола поговорить съ Евгеніемъ Петровичемъ, что ужъ если онъ собирается сдѣлать доброе дѣло, то лучше бы помогъ ей деньгами: тогда, можетъ быть, ей удалось бы выйти за мужъ по мыслямъ, за ровню. Но Оболенскій не пожелалъ упустить веригъ, а ровня не разсудилъ брать Вареньку за себя, хотя бы и съ деньгами.

Выраженіе, что Муравьевы впослѣдствіи приласкали Варвару Семеновну, вовсе не характеризуетъ М. И. Муравьева-Апостола. Онъ, какъ и всѣ его товарищи, ничего не могли сдѣлать противъ совершившагося брака, поэтому они всѣ обязаны были опять включить въ свой кругъ стараго товарища вмѣстѣ съ его женой. Но въ душѣ никто изъ нихъ не мирился съ женитьбой Евгенія Петровича, тѣмъ менѣе Матвѣй Ивановичъ, который до конца своего пребыванія въ Ялutorовскѣ холодно относился къ Варварѣ Семеновнѣ. А Пущинъ упрекалъ себя въ несчастномъ бракѣ своего друга, считая его наказаніемъ за свой проступокъ, т. к. онъ полагалъ, что еслибъ не было у него побочной дочери, то не было бы въ домѣ няни, и тогда они могли бы доживать свой вѣкъ вмѣстѣ съ Оболенскимъ безъ глупыхъ приключеній.

Женитьба Оболенскаго печалила товарищей не изъ спѣси, какъ полагаетъ Голодниковъ, иронически замѣчая, что ихъ встревожилъ „*mésalliance*“ Они жалѣли товарища, понимая, что у него ничего не могло быть общаго съ няней-Варей, какъ у послѣдней потомъ ничего не оказалось общаго съ ея собственными дѣтьми и сестрой Евгенія Петровича, до самой своей кончины дружелюбно къ ней относившейся, у которой въ Калугѣ, по возвращеніи изъ Сибири, Евгеній Петровичъ спокойно провелъ остатокъ своей жизни.

Варвара Семеновна, сравнительно, была съ своимъ родѣ хорошей женщиной: она не сплетничала и не

вмѣшивалась въ добрыя отношенія мужа съ родными и знакомыми. Но она невольно должна была чувствовать себя чужой, одинокой въ своей семьѣ и средѣ, въ которыя нечаянно попала.

Товарищи находили, что во всякомъ случаѣ было бы человѣчнѣе надѣлать ее деньгами, тѣмъ больше, что въ Сибири ихъ требовалось для ея благополучія весьма немного, а для себя Оболенскій могъ бы придумать другого рода вериги, тяжесть которыхъ ложилась бы только на него одного.

Родня Оболенскаго во время его ссылки аккуратно доставляла ему приличныя средства къ жизни, даже иногда пересылала, по его требованію, довольно крупныя суммы, не переставая считать его господиномъ своей части въ семейномъ достояніи. Но эти крупныя суммы, уменьшая его часть, не удерживались въ его рукахъ; такъ какъ Евгеній Петровичъ, не позволяя себѣ излишествъ, не въ состояніи былъ отказывать въ помощи постороннимъ, находившимся въ безвыходномъ положеніи, не разбирая, насколько человѣкъ самъ виноватъ въ этомъ и стоитъ ли онъ помощи по своимъ нравственнымъ качествамъ. У него, какъ и большой части русскихъ людей, къ концу года никогда не хватало опредѣленныхъ на прожитіе денегъ. Онъ уже былъ семейнымъ человѣкомъ, когда въ такое время къ нему обратился за помощью проѣзжій казачій офицеръ, ѣхавшій къ мѣсту своего назначенія. Всѣ знали, что онъ прокутилъ подъемныя деньги, застрялъ въ Ялуторовскѣ и пропивалъ свои послѣднія гроши. Муравьевъ-Апостолъ засталъ Оболенскаго въ переговорахъ съ нимъ о продажѣ своего брегета въ его пользу, тогда какъ это оставалась единственной цѣнной вещью въ домѣ по стоимости и по семейнымъ воспоминаніямъ. Матвѣй Ивановичъ спасъ брегетъ отъ гибели, предложивъ сдѣлать для офицера складчину въ своемъ кружкѣ.

Князь Е. П. Оболенскій былъ поручикомъ л.-г. финляндскаго полка, старшимъ адъютантомъ командира гвардейской пѣхоты генерала Бистрома.

14 декабря 1825 года, на Сенатской площади, за отсутствіемъ князя С. П. Трубецкаго, наканунѣ назначеннаго диктаторомъ, котораго долго ожидали, довольно поздно, при общей сумятицѣ, Евгенію Петровичу навязали несродную его характеру роль начальника возстанія; руководясь единственно тѣмъ, что онъ извѣстный и любимый солдатами офицеръ.

По отзывамъ нѣкоторыхъ декабристовъ, выборъ князя С. П. Трубецкаго тоже нисколько не соответствовалъ назначенію.

Около 800 человекъ л.-г. московскаго полка составляли на площади каре. Остальныя роты этого полка генераль Бистромъ удержалъ отъ присоединенія къ возставшимъ и убѣдилъ ихъ содержать караулъ въ тотъ же вечеръ.

Прежде рѣшительныхъ дѣйствій государемъ были употреблены всѣ средства къ прекращенію возмущенія безъ боя.

Первымъ подъѣхалъ къ каре уговаривать возставшихъ возвратиться въ казармы корпусный командиръ Войновъ, затѣмъ генераль И. О. Сухозанетъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, извѣстный графъ М. А. Милорадовичъ, командиръ л.-г. гренадерскаго полка полковникъ Стюрлеръ и наконецъ митрополиты Серафимъ и кіевскій Евгеній. Графъ Милорадовичъ и Стюрлеръ заплатились жизнью.

Князь Оболенскій всячески старался сохранить любимаго всѣми воинами вожда, прославившагося въ безчисленныхъ сраженіяхъ, графа Милорадовича, спокойно въѣхавшаго въ каре и уговаривавшаго солдатъ возвратиться къ своимъ обязанностямъ. Евгеній Петровичъ бралъ подъ узды его лошадь, чтобъ удалить и

спасти¹⁾ сопротивлявшагося всадника, колоть ее въ бокъ штыкомъ солдатскаго ружья, чтобъ насильно вывести ее изъ каре. Но въ эту минуту полякъ Петръ Андреевичъ Каховскій, отставной гвардейскій поручикъ, смертельно ранилъ почтеннаго героя пулей, а затѣмъ и полковника Стюрлера, уговаривавшаго своихъ гренадеръ, отдѣлившихся отъ полка, возвратиться съ нимъ къ своему долгу.

Оболенскій былъ осужденъ по I-му разряду и приговоренъ къ смертной казни съ отсѣченіемъ головы, но затѣмъ ему была дарована жизнь, какъ и всѣмъ перворазряднымъ, съ ссылкой въ вѣчную каторжную работу, исключая Волконскаго, Вильгельма Кюхельбекера, Александра Бестужева, Никиты Муравьева и Якушкина, которымъ каторга опредѣлялась на 20 лѣтъ.

13 іюля 1826 г. Оболенскій съ товарищами былъ отправленъ въ Нерчинскіе рудники (8 человекъ: Трубецкой, Волконскій, Давыдовъ, Якубовичъ, Арт. Зах. Муравьевъ и два брата Борисовыхъ). Въ рудникахъ имъ было плохо, но въ сентябрѣ 1827 г. ихъ присоединили къ товарищамъ въ Читинскій острогъ.

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ и князь Оболенскій оба были адъютантами генерала Бистрома. По возвращеніи Евгенія Петровича изъ Сибири, по прежней къ нему дружбѣ, онъ вступилъ съ нимъ въ постоянную переписку, которая особенно оживилась между старыми друзьями, когда Яковъ Ивановичъ сталъ во главѣ крестьянскаго преобразованія.

14 февраля 1860 г. Оболенскій извѣщалъ своего родственника М. И. Муравьева-Апостола (съ которымъ до конца жизни переписывался, дѣлясь съ нимъ горемъ и радостью):

¹⁾ Не закололъ его штыкомъ, какъ ошибочно говорится въ запискахъ П. И. Пущина, изданныхъ въ Лондонѣ послѣ его кончины неизвѣстнымъ лицомъ.

„Вотъ Яковъ Ивановичъ окончилъ свое земное поприще. Его смерть болѣзненно отозвалась въ моей душѣ. Много сочувствія я нашелъ въ немъ, и эта теплота сердечная много говоритъ въ его пользу. Крестьянскій вопросъ сломилъ его жизнь. Онъ весь ему предался и не выдержалъ той тяжести, которую долженъ былъ нести. Борьба или, лучше сказать, буря, поднявшаяся на небо, всею силою на него обрушилась и сломила жизнь, которая могла бы принести много пользы.

„Трогательно слышать, какъ былъ къ нему внимателенъ нашъ императоръ. Онъ явился тутъ, при одрѣ умирающаго, какъ человѣкъ, и его высокая душа вполнѣ высказалась. Это явленіе весьма отраднo.“

Къ барону А. Е. Розену Оболенскій писалъ 20 марта 1860 года:

„А кончина Якова Ивановича какъ болѣзненно отозвалась у всѣхъ тѣхъ, которые умѣли его цѣнить! Теперь начинается пробуждаться къ нему сочувствіе, теперь начинаютъ говорить, что въ послѣдній годъ своей жизни онъ выказалъ тѣ душевныя качества, которыхъ никто въ немъ не подозрѣвалъ. Много и много пострадалъ покойный отъ клеветы и недоброжелательства. Послѣднее его предсмертное слово было просьба государю — не оставлять крестьянскаго вопроса, порѣшить его, не откладывая въ долгій ящикъ. Однимъ словомъ, онъ сложилъ свою жизнь при рѣшеніи этого вопроса, и освобожденіе крѣпостнаго населенія нашей православной Руси неразрывно будетъ соединено съ его именемъ.

„Память о его отношеніяхъ ко мнѣ будетъ для меня отраднѣмъ воспоминаніемъ до конца моей жизни.

Герценъ провозгласилъ Ростовцева предателемъ, и всѣ ему повѣрили на слово, и клевета всю жизнь тяготѣла надъ добрымъ именемъ человѣка. Слухи носи-

лись, что клевета даже повліяла на отношеніе сыновей къ отцу.

Отъ 28 декабря 1860 г. Оболенскій писалъ къ Муравьеву-Апостолу:

„Скажу о Ростовцевыхъ: газеты сообщили о смерти „отца. Никто изъ семьи не вздумалъ почтить память „отца какимъ нибудь знакомъ любви къ тому, кто въ „последнее время былъ такъ близокъ ихъ отцу. Гру- „стно это явленіе. Но оно показываетъ только, что „новое поколѣніе не считаетъ себя связаннымъ съ „прошедшимъ: оно хочетъ жить своею собственною „жизью.

„Пусть такъ, но ни одна жизнь не проявляется сама „собою, она основывается на прошедшемъ; а если въ „этомъ прошедшемъ было жизненное начало, то оно „проявляется и въ будущемъ. Этому закону подчинены „всѣ поколѣнія; и будущее наше поколѣніе должно „подчиниться тому же закону“.
